

В. Г. Белинский

**Современник. Том
одиннадцатый... Современник.
Том двенадцатый**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Современник. Том
одиннадцатый...
Современник. Том
двенадцатый**

«Это две последние книжки «Современника» за прошедший год. Мы немного опоздали отчетом о них, но это потому, что мы читали их не торопясь, как читаем мы все, чтение чего доставляет нам удовольствие; кроме того, в этих двух книжках «Современника» так много хорошего и занимательного, что всего скоро прочесть нельзя, и обо всем поговорить слегка и мимоходом тоже невозможно. По-прежнему «Современник» постоянно продолжает быть интересным журналом, достойным славы своего основателя...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Современник. Том
одиннадцатый...
Современник. Том
двенадцатый**

СОВРЕМЕННОСТИ. ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ. Санкт-Петербург. 1838. В типографии А. Воейкова и комп. 80, 56, 40, 93. (8).

СОВРЕМЕННОСТИ. ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ. Санкт-Петербург. 1838. В типографии А. Воейкова и комп. 128, 96, 40, 93. (8).

Э то две последние книжки «Современника» за прошедший год. Мы немного опоздали отчетом о них, но это потому, что мы читали их не торопясь, как читаем мы все, чтение чего доставляет нам удовольствие; кроме того, в этих двух книжках «Современника» так много хорошего и занимательного, что всего скоро прочесть нельзя, и обо всем поговорить слегка и мимоходом тоже невозможно. По-прежнему «Современник» постоянно продолжает быть интересным журналом, достойным славы своего основателя; {1} по-прежнему он есть сборник оригинальных статей, интересных по содержанию и изложению, и стихотворений, между которыми бываю иногда и поэтические, кроме посмертных сочинений Пушкина. В «Современнике» есть даже и критика, по большей части очень снисходительная, и библиография, отличный характер которой, в противоположность всем нашим журналам, составляют мягкость, нежность, снисходительность и краткость. Тут выписываются заглавия всех новых книг, но говорится только о некоторых; большею частью все выхваляются, и ес-

ли иные и осуждаются, то с такою деликатностью, что нередко самое порицание можно принять за похвалу. Мягкость, поистине удивительная в нашей жесткой журналистике! И как жаль, что это прекрасное отделение «Современника» совсем не читается!{2}

Поговорим о хорошем в обеих книжках «Современника». Том XI начинается статьею, очень интересною по изложению и еще более по содержанию: «Младенческие приюты в Санкт-Петербурге». Сказавши о печальных следствиях недостатков и дурного воспитания детей у людей низших классов и о необходимости поправить зло общественными заведениями, автор статьи говорит: «Нигде так свободно, так легко и прочно не принимаются благие начинания, как в России. Причина тому очень ясная, все они, возникая у нас первоначально в помыслах царственных особ, с появления своего внушают к себе ту доверенность, которою необходимо должно сопровождаться распространение всякого, даже самого полезного нововведения. Царский престол для каждого русского есть источник правды и благодати. Исходящее от него есть

уже святыня, в которую народ верует и, следовательно, принимает ее с благоговением. История всех воспитательных, благотворительных и богоугодных заведений в России есть ряд неисчислимых начинаний и попечений августейшего дома о распространении в народе света наук, добрых нравов, довольства и помощи во всех его нуждах». После этого он исчисляет все, сделанное в России царственными особами в пользу образования бедных классов: императрица Екатерина Великая, основывая заведение для образования дочерей русского дворянства, в то самое время тут же открыла приют для обучения дочерей самых бедных простых граждан; было бы слишком долго исчислять подвиги по этой части в бозе почивающей императрицы Марии Феодоровны, которая, по прекрасному выражению автора статьи, «не могла иначе определять течения дней своих, как порядком благотворных трудов своих»; попечениями императрицы Елисаветы Алексеевны возникли дома трудолюбия и патриотические школы. Христианская и царственно-патриотическая попечительность этих великих монархинь пе-

решила, как родовое наследие, к императрице Александре Феодоровне, которая приняла под свое непосредственное управление все эти заведения – умиленные памятники благодушия и сердобобия ее великих предшественниц на русском престоле и на поприще христианской и царственной благодетельности. К числу последних подвигов ее императорского величества принадлежат *младенческие приюты*.

Анатолій Николаевич Демидов вызвался учредить на собственное иждивение *дом призрения трудящихся* в пользу бедных людей, которые достают пропитание трудами рук своих, но по разным случаям не всегда бывают обеспечены в выгодах своей промышленности. Ее императорское величество соизволила принять это заведение в непосредственное свое ведение в звании покровительницы его. Тогда множество особ из высшего сословия и из купечества испросили соизволение августейшей покровительницы содействовать благим успехам заведения – кто постоянными ежегодными взносами, кто единовременными, кто личным участием. Несколько

бедных женщин благородного, звания и из разночинцев помещены в доме, в чистых и просторных комнатах с приличным обзаведением. По собственному выбору и силам своим занимаясь рукодельями, они получают достаточную и вкусную пищу, услугу, отопление и освещение. Все это обходится каждой из них 40 к. в день, так что за этим вычетом из зарабатываемой ими суммы они могут за труды получать ежемесячно от 15 до 30 рублей в собственность. На время дня принимаются, для производства работ в заведении, все бедные, ищущие занятий; им за 20 к. дается обед и ужин, а все причисляющееся за их труды обращается в их собственность. Бедные, занимающиеся рукодельем у себя дома, приносят изделия свои в учрежденный при заведении магазин, где они и сбываются скоро и выгодно для них, по причине доверенности публики к дому. Он существует пятый год, и сумма промышленного оборота его возрастает ежегодно. Заведование магазином и всюю рукодельною промышленностью, с высочайшего соизволения государыни императрицы, поручено Александре Петровне Дурновой, почет-

ному члену Демидовского дома призрения трудящихся. Один из почетных членов двора его императорского величества в должности шталмейстера, Иван Дмитриевич Чертков, управляет заведением в звании попечителя. Вообще, в нынешнем своем виде Демидовский дом призрения трудящихся состоит: 1) из почетных членов (14 женского пола и 17 мужеского); 2) почетных старшин (15 лиц первостатейных купцов); 3) из лиц, служащих при заведении; 4) из действительных старшин купеческого звания (числом 12 человек).

Теперь Демидовский дом призрения трудящихся, усиленный в способах благотворительности как основателем своим, так и частными пособиями, и еще более щедротами императорской фамилии, достиг наконец до возможности благодетельствовать не только самим бедным, но и непосредственно их детям. Отрасль благотворения в отношении к детям разделена здесь на две ветви. Во-первых, учреждена школа для детей обоого пола от семилетнего возраста. Без всякой платы со стороны родителей они имеют в заведении прекрасное помещение, одежду, стол и все для их

воспитания необходимые вещи, обучаются закону божью, отечественному языку и арифметике. Более всего утверждают в них привычку к труду и порядку, что будет основанием их будущего счастья. Для этого поутру они учатся, а прочее время проводят в рукоделиях, свойственных их полу и возрасту. Изделия их продаются в магазине заведения, и таким образом составляется каждому хоть небольшая сумма, но которою можно будет воспользоваться на первые нужды при выпуске детей из школы. В женском отделении школою, которая называется камер-юнгферскою, с высочайшего соизволения ее императорского величества, заведывает почетный член графиня Софья Александровна Бобринская.

Во-вторых, для детей от 3-летнего до 7-летнего возраста здесь учрежден особый приют. Избранная для них руководительница старается во всё время дня, лишь они соберутся из домов своих, занимать их приятным и полезным образом. Она их обучает читать, считать, петь, рукоделиям и показывает разные гимнастические игры. По открытии в первое

уже полугодие собиралось детей более 170. Все они вместе проводят день, и старшие помогают младшим. Это новое в своем роде и беспрецедентное в России заведение, с высочайшего соизволения государыни императрицы, под особенное и непосредственное свое заведование приняла графиня Юлия Петровна Строганова.

Открытие первого младенческого в Петербурге приюта произвело уже самое благотворное действие. Оно возбудило прекрасное соревнование во всех классах граждан к устройству подобных заведений. Совет императорского Человеколюбивого общества, по ходатайству президента своего, его высокопреосвященства митрополита Серафима, назначил на распространение приюта 2500 р. ежегодно и 3000 единовременно. Государыне императрице благоугодно было все милостивейше назначить, чтобы на эту сумму близ Невской лавры учредился новый приют и назывался Александро-Невским. По высочайшему соизволению ее величества, он состоит в заведовании почетного члена графини Софьи Андреевны Трубецкой.

Третий приют устроила на Петербургской стороне графиня Александра Григорьевна Лаваль. Он, по высочайшему государыни императрицы повелению, назван Лавальским и назначен в заведование дочери основательницы, почетного члена графини Софьи Ивановны Борх. Такого же рода благотворительный вызов изъявил дворянин Леонтий Снегирев, желая устроить четвертый приют в Литейной части, на что и воспоследовало уже высочайшее ее императорского величества соизволение.

В Нарвской части основан пятый младенческий приют. На его устройство и содержание Санкт-Петербургский 1-ой гильдии купец Василий Шуков пожертвовал ежегодного взносу 5000 р., желая общественным благотворением ознаменовать чувство верноподданнической благодарности своей по случаю всемилостивейших благоволений государыни императрицы, которых он три раза имел счастье удостоиваться по представлению попечительства Дома трудящихся – и по случаю благополучного возвращения в Санкт-Петербург их императорских величеств после дол-

гого и многотрудного путешествия в 1837 году. Приют этот высочайше поведено ее императорским величеством наименовать Жуковским и поручить в заведование почетного члена Александры Осиповны Смирновой и помощницы ее, Марьи Александровны Жуковой.

Шестой приют образовался усердием многих благотворительных дам. Изыскивая всевозможные средства к устройству приютов в разных частях здешней столицы, они предположили ежегодно жертвовать разного рода изделиями, из которых будет составляться лотерея в пользу новых учреждений. Предположенная лотерея дозволена его императорским величеством со все милостивейшим разрешением производить ее ежегодно из вещей, жертвуемых благотворителями, и с освобождением от взноса десятой доли лотерейной суммы в пользу народа, равно и участия полиции при производстве лотереи. На эту сумму, назначенную для устройства и содержания приютов в разных местах столицы, уже теперь открыт приют на Васильевском острове и по высочайшему повелению назна-

чен в заведование почетного члена Натальи Людвиговны Гардер. Седьмой приют, на Выборгской стороне, состоит в заведовании почетного члена графини Евдокии Петровны Ростопчиной.

Статья заключается предположением автора, что и Москва, вероятно, в непродолжительном времени представит такие же опыты человеколюбия. Дай-то бог! – прибавим мы от себя...

За эту статью следуют «Очерки Швеции», статья, не означенная никаким именем, но своим характером, достоинством своего содержания и изложения невольно выдающая тайну имени своего автора{3}. Она не кончена и остановилась, или, лучше сказать, прервалась на самом интересном месте. К величайшему нашему, равно как и всех читателей, неудовольствию, в XII томе нет ее окончания, ни продолжения.

От «Очерков Швеции», пропуская критики и рецензии, переходим к статье «Отрывок из истории американско-испанских партизанов», чтобы сказать, что мало встречается в русских журналах статей, проникнутых та-

кою одушевленностию изложения, картинностию слога, таким присутствием мысли, такою светлостью взгляда и такою живою занимательностию содержания...{4} Как жаль, что почтенный издатель ни строкою, ни словом не дает знать, из какого сочинения этот отрывок, и в начале статьи г. Николая Неведомского не сделал краткого предисловия о ее содержании. Для незнакомых с делами Южной Америки эта статья может показаться темною и сбивчивою, именно потому, что она отрывок из середины сочинения.

«Путешествие императрицы Екатерины II в Крым», статья г-жи Ишимовой, соединяет в себе историческую верность содержания с романическою прелестью изложения.

XII том «Современника» начинается статьею «Путешествие В. А. Жуковского по России». В нем рассказано одно из событий этого путешествия. В одном из самых отдаленных от столицы городов явился к Жуковскому молодой человек, с тетрадью стихов, робко прося его взглянуть на них. Это был молодой человек, чувствовавший склонность к поэзии, но лишенный всякого образования, даже на-

читанности, тщательно скрывавший ото всех свои занятия. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь сказал ему, действительно ли имеет он склонность и талант к поэзии. По прибытии В. А. Жуковского он решился преодолеть свою робость, и, как мы уже сказали, явился к нему с тетрадью в руках. Знаменитый поэт, заметив в молодом человеке пылкую душу, жаждущую знания и стремящуюся высказать в звуках и образах свой внутренний мир, обещал ему свое покровительство. На первый случай он употребил свое старание, чтобы начальник молодого человека по службе, при первой поездке в Петербург, не отказался и его взять с собою. В начале прошлого года молодой человек был уже в Петербурге. Пока придумывались средства для устройства его судьбы, В. А. Жуковский пожелал, чтобы он изложил ему письменно историю своей внутренней жизни и на что хочет он решиться для поправления своей будущей судьбы. Жалеем, что пределы журнальной статьи не позволяют нам выписать этого письма – образец благородства чувствований, теплоты души, благородной и безыскусственной простоты изло-

жения и самобытности характера. Наконец найдена была ему должность, которая, обеспечивая его с внешней стороны, оставляла ему много времени для занятия науками и литературою; но – слова автора статьи – «в самую минуту исполнения искренних и давних своих желаний, он упал духом, обнят был угрызениями совести и не нашел в себе силы победить нравственного влечения туда, где ему виделась покинутая, одиноко дряхлеющая мать его: он пожертвовал всем своим будущим, чтобы доставить ей хотя бедную отраду в ее последние годы. Кто бы не оценил этого высокого самоотвержения? Он отправился, сопровождаемый участием и благословением своего покровителя, который нашел еще средство примирить его сердце с бунтующим рассудком: он составил прекрасное, самое полное собрание русских книг, которые считал необходимыми для его образования собственным чтением, послал свой подарок вслед за ним – и таким образом в жилище его, казалось, водворил друзей безмолвных, но утешительных...»{5}

«Очерки Испании» – маленькая, но живая

и интересная статейка.

«Старинные русские странности. Отрывки биографии ***». Эта статейка{6} так странно помещена, что вы непременно пропустите ее без внимания, если не заметите имени, выставленного под нею, – Александр Пушкин. Но когда вы прочтете ее, вами овладеет горькое чувство: вы бы с наслаждением прочли, или, вернее сказать, проглотили бы и роман в 10 частях, написанный так, а между тем должны удовольствоваться двумя страничками. Увы! грустное чувство возбуждают эти две странички: сколько было начато *им!*.. Его гений только стал разворачиваться во всей силе, во всей своей неистощимой деятельности... Что бы мы прочли, чем бы мы владели!..

Возвращаемся снова к XI тому. После численных нами статей в нем помещена «Маруся», повесть Грицки Основьяненка, с малороссийского наречия переведенная (и переведенная прекрасно) на русский язык. Мы не в состоянии выразить того наслаждения, с каким прочли ее. Общий восторг публики, единодушные похвалы всех журналов вполне оправдывают впечатление, которое произве-

ла на нас эта чудная повесть. Но всему должно давать настоящую оценку, суждение о предмете должно браться из самого судимого предмета, а не придаваться ему личным вкусом и субъективностью судящего. Похвала, хотя сколько-нибудь превышающая истинное достоинство произведения, не возвышает, а унижает его, и вообще преувеличенные похвалы, после, когда пройдет восторг, нередко бывают причиною столь же или еще и более несправедливых и незаслуженных порицаний. Признаёмся, мы видим в «Марусе» не художественное, а только поэтическое произведение, разумея под словом «поэтическое» все проникнутое душою, согретое чувством. Наум Дрот, Маруся, Василь – что такое все эти лица? – это *типы* малороссиян образцовых, цвет национальной жизни народа. Что такое *тип* в творчестве? – человек-люди, лицо-лица, то есть такое изображение человека, которое замыкает в себе множество, целый отдел людей, выражающих ту же самую идею. Объясним примером нашу мысль. Что такое Отелло? – Человек, великий духом, но с страстями, не обузданными образованием, не одухотво-

ренными мыслию до степени чувства, и потому *ревнивец*, задушающий жену свою по одному подозрению в неверности с ее стороны. Отелло есть *тип*, есть представитель целого рода, целого отдела, разряда таких ревнивцев. Отеллы были всегда и могут быть теперь, хотя и в других формах: нынешние не станут душить жены или любовницы, а скорее задушатся сами. Возьмем пример из другого мира. Вы знакомы с майором Ковалевым?{7} Отчего он так заинтересовал вас, отчего так смешит он вас несбыточным происшествием с своим злополучным носом? – Оттого, что он есть не майор Ковалев, а *майоры Ковалевы*, так что, после знакомства с ним, хотя бы вы зараз встретили целую сотню Ковалевых, – тотчас узнаете их, отличите среди тысяч. Типизм есть один из основных законов творчества, и без него нет творчества. Следовательно, Намум, Маруся и Василь – типические лица, а если так – то и художественные?.. Так, но не совсем. В творчестве есть еще закон: надобно, чтобы лицо, будучи выражением целого особого мира лиц, было в то же время и *одно* лицо, целое, индивидуальное. Только при этом

условии, только чрез примирение этих противоположностей и может оно быть типическим лицом, в том смысле, в каком называли мы типическими лицами Отелло и майора Ковалева. А этого-то колорита личности и индивидуальной особенности и недостает Науму, Марусе и Василию. Первый из них есть идеал малороссиянина, простого мужика, который простым религиозным чувством возвысился до решения важнейших задач жизни и до проявления в себе, своею жизнью, человека и христианина, и притом малороссиянина, потому что, будучи русским, он, не изменяясь в своей идее, изменился бы в формах. Что Наум как муж и отец, то Василь как молодой человек, и то самое Маруся как молодая девушка. В этом отношении они выполняют все требования искусства; но им недостает черт индивидуальности; перед вами рисуются силуэты, очерки, а не портреты; бюсты, а не живые лица. Поэтому-то повесть кажется вам растянутою, хотя, если бы сам автор дал вам право исключать из его повести все, что кажется вам лишним, — вы не нашли бы строки, которую бы можно было исключить. художе-

ственность в том и состоит, что одною чертою, одним словом живо и полно представляет то, чего, без нее, никогда не выразишь и в десяти томах. От этой причины и происходит чрезвычайная плодовитость и многословие всех произведений, не запечатленных печатью художественности. Художник же, напротив, не нуждается в многословии: ему достаточно черты, слова, чтобы выразить мысль, на одно изъяснение которой иногда нужен целый том. Помните ли вы, как майор Ковалев ехал на извозчике в газетную экспедицию и, не переставая тужить его кулаком в спину, приговаривал: «Скорей, подлец! скорей, мошенник!» И помните ли вы короткий ответ и возражение извозчика на эти понукания – «Эх, барин!», слова, которые приговаривал он, потряхивая головой и стегая вожжей свою лошадь?.. Этими понуканиями и этими двумя словами «Эх, барин!» вполне выражены отношения извозчиков к майорам Ковалевым. Потом, помните ли вы еще сцену в газетной экспедиции? – «Лакей с галунами и наружностью, показывавшею пребывание его в аристократическом доме, стоял возле стола с

запискою в руках и почел за нужное показать свою общительность: {8} «Поверите ли, сударь, что собачонка не стоит восьми гривен, то есть я не дал бы за нее и восьми грошей; а графиня любит, ей-богу, любит; – и вот тому, кто ее отыщет, сто рублей! Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, вкусы людей совсем несовместны: уж когда охотник, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалей пятисот, тысячу дай, но зато уж, чтоб была собака хорошая»«.

В этих немногих словах характеризуется целое сословие, весь лакейский люд, с его образом мыслей и его образом выражения; и, кроме этого, в этих немногих словах выражено одно лицо, которое, будучи похоже на множество лиц этого разряда, в то же время похоже только на само себя и больше ни на кого. Много могли бы мы привести здесь в пример таких типических черт и очерков, но это слишком далеко завлекло бы нас и отдалило бы от предмета. И потому скажем, что в Науме, Марусе и Василе не видим мы этих типических резких черт и индивидуальных особенностей и потому не видим в их обрисовке

художественного выполнения. Своими соотношениями они образуют не драму действительности, а оперу-лирику, где, пользуясь положением, высказывают довольно поэтически, если не художественно, все, что можно почувствовать в подобном положении. В этом отношении – какая великая разница повести Гоголя!.. Впрочем, эти мысли не всем и не для всех понятны – особенно для людей, которые по причине неподвижного сидения на синтезе и анализе недовольны любезностью казаков Гоголя...{9}

Кроме Наума, Маруси, Василя и Насти, в повести «Маруси» есть еще герой – и герой первый, который важнее и Наума, и Василя, и Насти, и самой Маруси: это – Малороссия, с ее поэтической природою, с ее поэтической жизнью простого народа, с ее поэтическими обычаями. Этот-то герой и составляет всю заманчивость, всю поэтическую прелесть повести. Автор в лицах этой повести передал известные черты этого героя, не как художник, а как писатель и человек глубоко чувствующий. Поэтому каждая страница, каждое слово его проникнуто, согрето чувством. Кроме то-

го, рассказ его отличается народным малороссийским простодушием, которое очень удачно передано переводчиком. Можно ли без умиления и наслаждения читать подобные места?

Вот так-то бедная Маруся, не хотевши и вспоминать про Василя, только об нем одном и думала; и хоть бы тебе на часок глазки свела! Плакала да грустила целехонькую ночь. А и длинная же у нас ночь на зеленой неделе! Вчерашняя заря еще не погаснет, а световая уже и загорается: покажется Воз[1], да уж докатившись ко восходу солнца.

Вот и теперь: только что звездочки засияли у бога милосердного на небесах, только что рассветилося, да и то не совсем ясно, а как будто сквозь серпянку – соловей затих подле своей самочки, чтобы она выспалась хорошенько, не тревожась; ветерок заснул, и ветки в садах, дремля, чуть-чуть шевелятся; только и слышно, что на плотине через спуск вода цедится и как будто кто шепотом сказку сказывает, что так и дремлетя... А то везде очень

тихо... Как вот недолго... звездочка покати­лась... там другая... третья... и скрылись на синем небе, как в море ка­нули, и, расставаясь с землею, немного всплакнули... Вот от их слезок пала роса на землю. Капелька ее сделала шелест в воздухе... И пробудился ветерок, да и покачал тихонько ветки в садах и лесах... Вот и по­пробуждались птички-самочки, раскрыли глазки, защелкали носиками... Тут тотчас их сам­чики, что подле них дремали, также проснулись и с радости, что настает божий день опять и они будут с сво­ими самочками летать, играть, лю­биться, и что, может, которая и яич­ко снесет – с такой-то радости запели свои песни, которыми и утро и вечер хвалят господу небесного, отца, милосердного как человеку, так и вся­кому зверю и птице, да и самой малей­шей мушке, которой и глазом не усмотришь. А кому уже так выпевать, как соловей! Защебечет, защел­кает, зачирикает, засвистит, затре­щит... То затихнет, то как будто шепчет своей самке, как ее любит, а она ему, видно, скажет, что и она его

любит, и хвалит его песни; он тут с радости вскрикнет на весь сад... А как между тем еще носиками поцелуются... тут он уже и не опомнится... прижмурится, щебечет, терещет, то как будто охрипнет, то вдруг громко вскрикнет и задрезжит так, что дух у него как будто спирается... да все же это так хорошо... что рассказать нельзя, а на душе весело!

И вся повесть состоит из таких мест. Быт сельских жителей, их нравы, обычаи, поэзия их жизни, их любовь – все это изображено так, что стоило бы более подробного рассмотрения. Взгляд автора на человеческое сердце очень прост, даже простоват; но эта простота накидная, притворная – сквозь нее проглядывает глубина и могущество мысли... Издатель «Современника» оказал своим читателям неоцененную услугу, давши им возможность насладиться этою прекрасною повестью, которая была им недоступна по причине наречия, на котором написана своим автором.

Обратимся снова к XII тому. «Отрывки из Жан-Поля», прекрасно переведенные г. Бецким, составляют живую и интересную ста-

тью. Они дают полное понятие об этом уродливом, диком гении Германии, который в своих поэтических созерцаниях то возвышался до вечных звезд поэзии, то впадал в изысканность и в совершенное безмыслие, если не в бессмыслие. Вот доказательство первого:

Когда Прометей оживотворил искрою небесного огня статую, созданную им из праха земного, разгневанный Юпитер сказал ему: «Человек, твое произведение будет умирать ежедневно, и половину своей жизни, лишненное чувства и мыслящей способности, оно будет лежать перед тобой в неподвижности, пока наконец уснет навеки». И вот новосозданный человек упадает вечером и засыпает. Однажды музы, очаровательные дочери Юпитера, находят его спящим и с любовью и сожалением смотрят на вожди, сомкнутые этою периодическою смертию ночи. «Бедное создание, – сказали они, – так же прекрасно и так же молодо, как Аполлон! Неужели, желая отдохнуть, каждый день он должен, окруженный холодными и густыми тенями орка, утрачивать небо и землю?»

«Испытаем, – сказала Каллиопа, самая смелая муза, – проникнуть в его орк и дать ему в дар прекраснейшую землю и Олимп, пока непреклонный отец со днем не возвратит ему жизни!» Божества, наделяющие счастьем богов, тогда прикоснулись к смертному: величественная муза поэзии своею трубою, муза гармонии своею флейтою, Талия своим жезлом, Урапия своею сферою, Эрато стрелами любви, Мельпомена своим кинжалом, и все другие музы поочередно. Мгновенно спящий труп ночи оживился: сновидение, явилось и создало вокруг него новое небо и новую землю и их принесло ему в дар. Смелые и легкие тени, порхая, окружили его очаровательными призраками жизни, и он остался среди них. Плоды превратились в пучки, пучки в цветы, а цветы принесли в свою очередь плоды. Прекрасная молодость стала еще прекраснее. Земля потеряла свою тяжесть, и легкий эфир играл на вершинах гор до захождения солнца. Игла терновника, в образе кинжала Мельпомены, прикоснулась слегка к груди человека – и его кровь преврати-

лась в розу. Мелодические аккорды флейты внушили еще одно желание его счастью и низошли с небесных высот в глубины его сердца.

Усыпленный человек улыбнулся, как блаженный, и в то же время заплакал. Бог муз разбудил его тогда дневным светом, опасаясь, чтобы смертный не узрел бессмертных.

Мы не будем делать выписок для показа второй стороны Жан-Поля, а только спросим, что за мысль или даже что за смысл хоть вот в этих строках: «Что такое все удовольствия человека и наслаждения человека? Прекрасные прогулки на дворе темницы»? – А таких строк у Жан-Поля встречается довольно, особенно там, где желание говорить образами и символами заставляет его прибегать к натянутым сравнениям, которые он берет из всех сфер знания – даже чистой математики.

Статья г. Даля «Об омеопатии» как-то странно попала под одну нумерацию с поэтическими мыслями Жан-Поля{10}. Впрочем, это нисколько не мешает ей быть в высшей степени интересною статьею, и по содержанию и по изложению. Как медик, г. Даль был

заклятым врагом Ганнеманова учения и со всею запальчивостию партизана преследовал ее у нас, на Руси, своими статьями в «Сыне отечества» за 1833 год{11}. Теперь, опытами убедившись в достоинстве этой методы, он со всею искренностию и со всем самоотвержением благородного человека и ученого, предпочитающего святую истину личному самолюбию, признается в своей прежней несправедливости и торжественно возвышает свой голос за «омеопатию». Советуем всем читать эту прекрасную статью, предмет ее близок душе всякого, а изложение так просто и доступно для всех.

Статья «О греческой эпиграмме» имеет ученое и литературное достоинство.

Повестями XII том не блистателен. Тут помещена «Мачеха и панночка» г. Гребенки, которая... но – виноваты! – мы обещались говорить только о хорошем...

Теперь о стихотворениях.

В XI томе помещена целая поэма «Казначейша». Стих бойкий, гладкий, рассказ веселый, остроумный – поэма читается с удовольствием{12}. Потом заметно, теплотою чув-

ства, стихотворение «Освободительница», подписанное буквою Г.{13} – «Новые строфы из «Евгения Онегина»»интересны, как все, вышедшее из-под пера Пушкина{14}. «Опричник», отрывок, должно быть, из большого сочинения, служит новым доказательством, как много чудных надежд унес Пушкин в свою безвременную могилу...{15}

*И для нас
Погиб животворящий глас!..{16}*

«Великое слово», дума г. Кольцова, заключает собою XI том «Современника». Эта дума по глубокой мысли, по возвышенности выражения принадлежит к роскошнейшим перлам русской поэзии. Вот она:

*Глубокая вечность
Словом огласилась;
То слово: «Да будет!»
Ничто воплотилось
В тьму ночи и свет;
Могучие силы
Сомкнуло в миры,
И чудной, прекрасной
Повеяло жизнью;
Земля красовалась*

Роскошным эдемом...
И дух воплощенный,
Владелец земли,
С челом вечно юным,
Высоким и стройным,
С отсветом свободы
И мысли во взоре,
На светлое небо
Как ангел глядел...
Свобода души!
Где ж рай твой веселый?
Следы твои страшны,
Отмечены кровью
На пестрой странице
Широкой земли;
И лютое горе
Ее залило —
Ту дивную землю,
Бесславную землю.
Но слово «Да будет!»{17}
Не мимо идет:
В хаосе печали,
В полуночном мраке
Надземных судеб,
Божественной мыслью
На древе креста
Сияет и светит
Терновый венец...

*И горькие слезы —
Раскаянья слезы,
На бледных ланитах
Земного царя
Зажглись упованьем
Высоким и светлым.
И дух вдохновляет
Мятежную душу:
И сладко ей горе,
Понятно ей горе —
Оно искупленье
Прекрасного рая...
«Да будет!» и было,
И видим, и будет —
Всегда, без конца...
Кто ж он, всемогущий,
И где обитает?..
Нет богу вопроса,
Нет меры ему!..*

Отделение стихотворений в XII томе тоже начинается поэмою. Это поэма г. Ершова — «Сузге»; к содержанию ее подало повод событие завоевания Сибири Ермаком. Стих бойкий, плавный — местами гармонический и поэтический — составляет достоинство поэмы; а отсутствие сжатости и силы — ее недостаток. Если бы г. Ершов, написавши свою поэму, от-

ложил ее в сторону и потом, в минуты вдохновения, делал бы поправки, заменяя десять стихов – двумя-четырьмя, – тогда его поэма была бы прекрасным поэтическим цветком на пустынном и мертвом поле современной русской поэзии. «К равнодушной», стихотворение гр-ни Ев. Р-ной{18}, замечательно более по мысли, нежели по художественной отделке. «Новые строфы из «Евгения Онегина»» – к чему похвала и восклицания! – Читайте сами – вот две строфы из трех:

*О вы, которые любили
Без позволения родных
И сердце нежное хранили
Для впечатлений молодых,
Для радости, для неги сладкой, —
Девицы, если вам украдкой
Случилось тайную печать
С письма любезного срывать,
Иль робко в дерзостные руки
Заветный локон отдавать,
Иль даже молча дозволять
В минуту горькую разлуки
Дрожащий поцелуй любви,
В слезах, с волнением в крови!*

Не осуждайте безусловно
Татьяны ветреной моей,
Не повторяйте хладнокровно
Решенья чопорных судей.
А вы, о девы без упрёка,
Которых даже речь порока
Страшит сегодня как змея,
Советую вам то же я.
Кто знает? пламенной тоскою
Сгорите, может быть, и вы —
И завтра легкий суд молвы
Припишет модному герою
Победы новой торжество:
Любви вас ищет божество{19}.

После прекрасного стихотворения г. Кольцова «К милой», перепечатанного «Современником» из 2 № «Московского наблюдателя» за прошлый год{20}, можно еще упомянуть о стихотворении «К Венере Медицейской»{21}.

Сноски

1

Воз, телега. Медведица, или Колесница{22}.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

О «Современнике» см. в наст. т. прим. 2 к заметке «Литературная хроника» (с. 569).

[^^^]

2

Критический отдел «Современника» вел П. А. Плетнев. В своей оценке его как критика и рецензента Белинский во многом совпадал с Пушкиным и декабристами. Пушкин писал, например, Плетневу 15 марта 1825 г., имея в виду его статью «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах»: «Брат Плетнев! Не пиши добрых критик! Будь зубаст и бойся приторности» (Пушкин, т. X, с. 130). Ср. суждение А. Бестужева об этой же статье: «Мне кажется, что г. Плетнев не совсем прав, расточая в обозрении полную рукою похвалы всем и уверяя некоторых поэтов, что они не умрут потому только, что они живы» («Полярная звезда на

1825 год», с. 19–20).

[^^^]

3

Автор «Очерков Швеции» – В. А. Жуковский.

[^^^]

4

Белинский положительно отзывался об этой и других статьях Н. В. Неведомского, ценя сочувствие автора патриотическому движению и свойственное ему мастерство изложения (см. наст. т., с. 292 и 407).

[^^^]

«Молодой человек», в судьбе которого принял участие Жуковский, – сибирский поэт-самоучка Е. Л. Милькеев. Он скоро вернулся в Москву, приезжал в Петербург и был «ободрен» славянофилами и Плетневым. При поддержке А. С. Хомякова, Н. Ф. Павлова и др. в 1843 г. вышли «Стихотворения Милькеева», вызвавшие отрицательную рецензию Белинского (наст. изд., т. 5).

[^^^]

6

Теперь печатается под названием «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве, 1830».

[^^^]

7

Главное действующее лицо повести Гоголя «Нос».

[^^^]

8

У Гоголя: «почел приличным показать свою общежительность».

[^^^]

9

Имеется в виду Н. Полевой, который писал, что Гоголь «груб и просто несносен, когда его казаки начнут любезничать и геройствовать» («Сын отечества», 1838, № 9, отд. IV, с. 58). Белинский, возмущенный переходом Полевого в лагерь реакционной журналистики, писал И. И. Панаеву 22 февраля 1839 г., что должен во что бы то ни стало «спихнуть» Полевого «с синтеза и анализа и со всего этого хламу пошлых, устарелых мнений и чувствований, на которых он думает выезжать и которыми думает запугать новое поколение».

[^^^]

10

В двенадцатом томе «Современника» «Отрывки из Жан-Поля», помещенные в разделе IV («Отдельные мысли»), и статья В. Даля «Об омеопатии», помещенная в разделе V («Современные записки») имела общую (вторую) нумерацию страниц.

[^^^]

11

«Сын отечества», 1833, № 13–15, подпись: В. Луганский. С. Ганеман – основатель гомеопатии.

[^^^]

«Казначейша» («Тамбовская казначейша») была напечатана без подписи, и Белинский не знал, что автор ее – Лермонтов. Критик и позже высоко оценивал «Казначейшу», считая ее вместе с «Графом Нулиным» Пушкина и «Парашей» Тургенева образцом современной юмористической поэмы, требующей «образованного, *умного* взгляда на жизнь» («Русская литература в 1843 году» – наст. изд., т. 7).

[^^^]

13

Автор стихотворения – Я. К. Грот.

[^^^]

14

В т. XI «Современника» были напечатаны две строфы: «Сокровищем родного слова ~ Одними звуками пиит» и «Но где ж мы первые познания ~ Хорош российский Геликон!» (с пропуском 7-й и 8-й строк в последней строфе). Первоначально следовали в белой рукописи за строфой XXVI (см.: Пушкин, т. V, с. 525–526).

[^^^]

15

«Опричник. Отрывок» напечатан за подписью: А. Пушкин. Заглавие дано издателем «Современника». В современных изданиях печатается под заглавием «Какая ночь! Мороз трескучий...».

[^^^]

16

Из «Евгения Онегина» (гл. шестая, строфа XXXVII).

[^^^]

17

У Кольцова далее строка: «То вечное слово».

[^^^]

18

Е. П. Ростопчиной.

[^^^]

19

Цитируются строфы, которые в белой рукописи идут после строфы XXIV (см.: Пушкин, т. V, с. 524–525).

[^^^]

20

См. «Московский наблюдатель», 1838, часть XVI, март, кн. 2. Белинский ведет счет номеров с первой мартовской книжки за 1838 г., то есть с того времени, как журнал перешел в его руки.

[^^^]

21

Автор стихотворения «К Венере Медицейской» И. С. Тургенев.

[^^^]

В тексте «Современника» сноска дана так:
«Воз, телега. Большая Медведица, или Колес-
ница. *Оригин*».

[^^^]

[^^^]